

УДК 81'37:811.581+811.512.154

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/130/92>

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ РАДОСТИ В КЫРГЫЗСКИХ
И КИТАЙСКИХ ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЯХ:
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

©Турсун Р., ORCID: 0009-0004-7503-4368, Кыргызско-турецкий университет Манас,
г. Бишкек, Кыргызстан, reyila.tuerxun@manas.edu.kg

**CONCEPTUAL METAPHORS OF JOY IN KYRGYZ AND CHINESE IDIOMS:
A CROSS-CULTURAL COGNITIVE ANALYSIS**

©Tuerxun R., ORCID: 0009-0004-7503-4368, Kyrgyz-Turkish University Manas,
Bishkek, Kyrgyzstan, reyila.tuerxun@manas.edu.kg

Аннотация. Радость как базовое эмоциональное состояние человека обладает биологической универсальностью, однако её языковые репрезентации формируются под влиянием культурных факторов. В рамках когнитивной лингвистики проводится сопоставительный анализ идиом, выражающих концепт радости в кыргызском и китайском языках, на основе теории концептуальной метафоры. Результаты показывают существенные различия в метафорической концептуализации эмоции. В кыргызском языке преобладают метафоры контейнера и интенсивного вертикального движения, отражающие пространственно-динамическое восприятие, связанное с кочевой культурой. В китайском языке доминируют метафоры плавного «перетекания» и локального подъёма, соотносимые с более регулятивной и циклической культурной моделью. Полученные данные свидетельствуют о том, что культура опосредует преобразование телесного опыта в языковые когнитивные модели эмоций. Исследование вносит вклад в развитие теории концептуальной метафоры и межкультурных исследований эмоций.

Abstract. As a core emotional experience, "joy" possesses biological universality, yet its linguistic representations are profoundly modulated by specific cultural schemas. From the perspective of Cognitive Linguistics, this study conducts a deep cognitive deconstruction of joy-related idioms in Kyrgyz and Chinese, employing Conceptual Metaphor Theory (CMT) and comparative linguistic methods. The findings reveal significant heterogeneity in container, orientational, and ecological schemas between the two languages. Kyrgyz metaphors emphasize the physical rupture of boundaries and vertical spatial stretching, rooted in the tension-driven logic of nomadic ecology. In contrast, Chinese metaphors lean toward the orderly overflow of emotion and localized elevation, reflecting the regulation of emotional rhythms inherent in agrarian culture. The results demonstrate that culture, acting as a cognitive filter, transforms shared embodied experiences into distinct semantic logics. This research not only uncovers the deep structural differences in emotional cognition between Kyrgyz and Chinese but also provides empirical support from Central and East Asian languages for the theory of cultural modulation in embodied cognition.

Ключевые слова: кыргызский язык; китайский язык; радость; теория концептуальной метафоры (ТКМ); воплощённое познание; кросскультурный анализ.

Keywords: Kyrgyz; Chinese; Joy; Conceptual Metaphor Theory (CMT); Embodied Cognition; Cross-cultural Analysis.

Являясь одним из ключевых эмоциональных переживаний человека, процесс концептуализации «радости» неизменно находится в центре внимания когнитивной лингвистики и лингвистики эмоций. Несмотря на схожее физиологическое строение и механизмы эмоционального реагирования, различные народы при переводе абстрактных эмоций в языковые знаки испытывают глубокое влияние своей уникальной экологической среды, социальной структуры и культурной когниции. Согласно теории концептуальной метафоры (ТКМ) Лакоффа (Lakoff) и Джонсона (Johnson), эмоции существуют не изолированно, а конструируются посредством воплощённого познания (Embodied Cognition) с опорой на конкретный физический опыт. При этом концептуальная метафора «тело как контейнер для эмоций» (The Body as a Container for Emotions) считается кросскультурно универсальным когнитивным основанием.

Тем не менее существующие исследования по большей части сосредоточены на сопоставлении внутри индоевропейских языков, тогда как изучение общих черт и гетерогенности эмоциональных метафор в кыргызском языке — на фоне кочевой цивилизации Внутренней Азии — и в китайском языке — на фоне земледельческо-ритуальной цивилизации — остаётся весьма скудным. В кыргызском языке радость нередко выражается как экстремальный «прорыв границы», обладающий физическим напряжением, — например, фразема «кожа не вмещает» (Терисине батпоо); в китайских же чэньюях радость чаще передаётся через схемы «наполненности» и «выплёскивания наружу», например 满怀欣喜 (mǎn huái xīn xǐ, «исполниться радости») или 喜形于色 (xǐ xíng yú sè, «радость отражается на лице»). Это образное различие отражает не только расхождение двух языков в выборе пространственных схем (Image Schemas), но и контраст между «мировоззрением открытых пространств» кочевой культуры и концепцией «упорядоченного разграничения внутреннего и внешнего» в китайской культуре.

Цель настоящего исследования — избрав типичные идиомы (Idioms / Фразеологизмдер), выражающие «радость» в кыргызском и китайском языках, в качестве точки отсчёта и применяя методы сопоставительной лингвистики, осуществить их углублённый когнитивный анализ и культурный генезис.

Долгое время в традиционной дуалистической философии эмоции рассматривались как иррациональные, субъективные физиологические реакции. Однако с расцветом когнитивной лингвистики эмоции были переосмыслены как высокоструктурированная когнитивная система. Основоположники теории концептуальной метафоры Лакофф (Lakoff) и Джонсон [1] указывают, что человеческое мышление по своей природе метафорично: люди склонны конструировать абстрактные, нефизические целевые области (Target Domains) посредством конкретных, физических исходных областей (Source Domains). В этой парадигме такие эмоциональные переживания, как «радость», не являются неуловимыми иллюзиями, но через когнитивную переработку отображаются в пространственные положения, движения объектов или физиологические состояния.

Теория воплощённого познания (Embodied Cognition) обеспечивает дальнейшее физиологическое обоснование концептуализации эмоций. Джонсон [2] полагает, что способность человека к категоризации и умозаключениям восходит к фундаментальному сенсомоторному опыту. Эмоциональная когниция — не чисто ментальная активность, оторванная от тела, а деятельность, глубоко укоренённая в физиологическом субстрате индивида. В рамках данной теоретической парадигмы концептуализация «радости» у разных народов обладает как универсальностью (Universality), основанной на общем физиологическом строении человека, так и вариативностью (Variation), детерминированной специфическими культурными схемами [4].

Эта вариативность проявляется в различных акцентах, которые делают разные культурные группы при выборе исходных областей метафор. Таким образом, анализ фразеологических единиц о «радости» в кыргызском и китайском языках по существу представляет собой исследование того, как две языковые группы преобразуют общее физиологическое возбуждение в самобытные семантические логики посредством своих уникальных экологических сред и культурных фильтров.

Если концептуальная метафора задаёт физиологический «фон» для выражения эмоций, то конкретный культурный контекст народа определяет «форму» языка. Кыргызский язык, будучи важной ветвью тюркской группы алтайской языковой семьи, обладает системой фразеологизмов (Фразеологизмдер), которая является не только квинтэссенцией языкового богатства, но и живым воплощением когнитивных моделей кочевой цивилизации Внутренней Азии. В когнитивном горизонте кыргызского народа выражение эмоций нередко отличается ярко выраженной экологической воплощённостью (Ecological Embodiment). Данная особенность обуславливает самобытную образную логику кыргызского языка при передаче абстрактной эмоции «радость», отличающуюся от оседлых цивилизаций.

Кыргызские фразеологизмы глубоко укоренены в опыте кочевого скотоводства. Для кыргызских предков, длительное время находившихся в состоянии миграции и пастбищного хозяйства, взаимодействие тела с природным пространством (небом, землёй, водой) составляло ядро их когнитивных схем. В этом контексте эмоциональные всплески индивида нередко проецировались на напряжение необозримого физического пространства. Кроме того, при концептуализации «радости» кыргызский язык тяготеет к выбору образов со взрывным действием или связанных с лошадьми и экологической средой. Этот образный выбор не случаен, а является результатом «вторичной переработки» воплощённого опыта культурным контекстом.

Кросслингвистические сопоставительные исследования в области эмоциональной метафорики и фразеологии опираются не только на общие когнитивные теории, но и в значительной мере обусловлены глубиной изучения отдельных языков. Если рассматривать существующую литературу, то фразеология кыргызского языка и изучение китайских чэньюев достигли весомых результатов в своих областях, однако систематическое сопоставление их в измерении эмоциональной когниции пока находится на начальном этапе.

В области изучения кыргызской фразеологии: начиная с 1950-х годов кыргызское языкознание сформировало относительно полную теоретическую систему. основополагающий труд Шукурова [12] «О фразеологических сочетаниях в кыргызском языке» ознаменовал становление фразеологии как самостоятельной дисциплины в кыргызском языкознании. Впоследствии Осмонова [10, 11] углубила теоретические основы кыргызской фразеологии путём систематического исследования языковой природы идиом, семантической целостности и синтаксических функций. Назаров [9] исследовал художественный потенциал фразеологических единиц для усиления выразительности посредством метафоры и метонимии. Особого внимания заслуживают труды Эгембердиева [6–8], который распространил фразеологические исследования на эпос «Манас» и другое культурное наследие.

В области когнитивных исследований китайских чэньюев: в китайском языкознании сложилась зрелая парадигма, ориентированная на когнитивную лингвистику. Такие китайские учёные, как Ху Чжанлинь [13] и Шу Динфан [14], внедрив теорию концептуальной метафоры в контекст китайского языкознания, заложили методологическую базу для последующего анализа китайских чэньюев с позиций контейнерной, ориентационной и других метафор.

Вместе с тем, хотя исследования по каждому из двух языков уже достигли определённой зрелости, сопоставление по большей части сосредоточено на стратегиях перевода, фонетическом сравнении или базовом словообразовательном уровне. В настоящее время в академическом сообществе по-прежнему ощущается нехватка исследований, глубоко интегрирующих результаты в области «семантической образности» кыргызской фразеологии с теорией «концептуальной метафоры» китайского языкознания. Поэтому данная работа призвана на основе предшествующих исследований по обоим языкам восполнить академический пробел в кыргызско-китайском сопоставительном изучении эмоциональной метафоры.

Первоочередная цель настоящего исследования — верификация степени универсальности «контейнерной схемы» (Container Schema) в различных цивилизационных контекстах. Посредством сопоставления материала двух языков анализируется, каким образом оба народа при сходном физиологическом возбуждении (например, ощущение расширения тела при радости) совместно избирают «контейнер» в качестве исходной области. Одновременно особый акцент делается на изучении когнитивного расхождения двух языков в трактовке границы контейнера: склонности кыргызского языка к «предельному прорыву» и склонности китайского — к «упорядоченному переполнению».

Исследование стремится с позиций «экологического воплощения» (Ecological Embodiment) проанализировать дифференцированное формирование языка эмоций кочевой и земледельческой цивилизациями. Частое появление в кыргызском языке образов «кожи», «неба» в сопоставлении с образами «расцветающего сердца» (心花), «весеннего ветра» (春风) в китайском по существу представляет собой проекцию двух типов жизненного пространства (необозримых просторов vs. замкнутых поселений) на языковом уровне.

В настоящем исследовании отказываемся от масштабной случайной выборки корпусных данных и применяем метод «типологической выборки», уделяя основное внимание отбору общепризнанных, культурно насыщенных идиом и фразем из обоих языков в качестве ключевого материала. Кыргызский языковой материал извлечён преимущественно из «Фразеологиялык сөздүк» (Фразеологического словаря кыргызского языка) и соответствующих этнологических документов и литературных произведений. Китайский языковой материал отобран главным образом из «Большого словаря китайских чэньюев» и «Нормативного словаря китайских чэньюев современного китайского языка».

Исследование следует преимущественно качественному аналитическому подходу и включает следующие конкретные этапы:

1. Идентификация и классификация метафор: с опорой на Процедуру идентификации метафор (Metaphor Identification Procedure, MIP) выявляются отклонения между базовым и контекстуальным значением лексических единиц в идиомах;
2. Картирование схем (Mapping): в рамках теории концептуальной метафоры Лакоффа отобранные кыргызские и китайские идиомы классифицируются матричным способом по контейнерной схеме, ориентационной схеме и экологическим образам;
3. Когнитивная деконструкция и культурная верификация: отбираются типичные пары из каждой категории для углублённого исследования их физической воплощённой основы с анализом того, как культурные факторы регулируют процесс картирования схем;
4. Кросслингвистическое сопоставительное резюме: обобщаются характеристики гетерогенности двух языков в обработке эмоциональных порогов и выборе пространственных измерений.

В данной главе на основе отобранного типичного идиоматического материала проводится углублённое исследование общей логики и культурной специфики при

концептуализации эмоции «радость» в кыргызском и китайском языках по трём измерениям: контейнерная схема, ориентационная схема и экологические образы.

В когнитивно-лингвистической модели эмоций «тело как контейнер для эмоций» является наиболее универсальной исходной схемой в кросслингвистическом плане; контейнерная метафора, как правило, тесно связана с динамической схемой «эмоция — это жидкость в контейнере» (EMOTION IS A FLUID IN A CONTAINER). Согласно модели давления Ковечеша [3], эмоция концептуализируется как жидкость в контейнере: при усилении интенсивности эмоции давление жидкости на стенки контейнера возрастает.

Сопоставляя идиомы двух языков, выражающие крайнюю степень радости, настоящее исследование обнаруживает, что, несмотря на общую исходную область «контейнер», при обработке «порогового значения» (Threshold) эмоциональной энергии наблюдаются значимые различия в культурных схемах.

В когнитивных системах обоих языков эмоция радости нередко метафоризируется как «жидкость», хранящаяся в телесном контейнере. По мере нарастания интенсивности эмоциональной энергии механизм её обработки проходит последовательные стадии: от «пространственного заполнения» к «давлению», вплоть до преодоления «критического порогового значения».

1. Стадия наполнения (Filling): на начальном и среднем этапах возникновения радости оба языка концептуализируют её как непрерывное «вливание» вещества. Такие китайские чэньюи, как 满腹欢喜 (mǎn fù huān xǐ) и 满心欢喜 (mǎn xīn huān xǐ), рассматривают внутренние органы тела (сердце, живот) как субконтейнеры, акцентируя ощущение наполненности после заполнения пространства. В кыргызском языке это ощущение наполненности нередко стремительно распространяется на окружающую среду, что отражает начальное смещение жидкости из внутреннего скрытого контейнера во внешнее открытое пространство: Кубанычы койнуна батпоо (радость не умещается в пазухе), Сүйүнүчү койнуна батпоо (веселье не умещается в пазухе). Выражение Жетине албай калуу (переполняться от радости) — самобытная национальная форма выражения, буквально означающая «не мочь вместить/сдержать себя», когнитивно соответствующая предельному состоянию контейнерной метафоры: объём радости как жидкости уже превышает самостоятельно доступные или контролируемые пределы.

2. Стадия давления и расширения (Pressure and Expansion): по мере нарастания интенсивности эмоции жидкость оказывает огромное физическое давление на стенки контейнера. Когниция кыргызского языка на этой стадии крайне напряжённа: Бити-битине батпоо (в теле не осталось места даже для вши) — когнитивная реакция при экстремальном давлении: когда эмоциональная жидкость занимает всё доступное пространство, даже мельчайший предмет лишается места. Терисине батпоо (в кожа не вмещает) отражает тонкое ощущение кыргызским народом предельного натяжения «кожи» как границы. Это символизирует переход от внутреннего наполнения к вызову целостности структуры контейнера. В китайском языке, когда радость неизбежно прорывается наружу, предпочтение отдаётся описанию её течения по поверхности (лицу): 喜形于色 (xǐ xíng yú sè) и 笑逐颜开 (xiào zhú yán kāi). Даже в словосочетании с взрывным оттенком 心花怒放 (xīn huā nù fàng, «сердечный цветок в полном расцвете») отображается природный процесс «цветения», имеющий жизненный ритм, а не чисто физическое разрушение.

3. Стадия переполнения и разрыва (Overflow and Rupture): когда давление превышает порог, наступает «неуправляемое» состояние. Китайские чэньюи в большей степени демонстрируют «переполнение»: 喜气洋洋 (xǐ qì yáng yáng), 喜形于色 (xǐ xíng yú sè). Это соответствует рассуждениям Лакоффа о «схеме внутри-снаружи» (In-Out Schema):

эмоциональная жидкость упорядоченно перетекает изнутри к выходу (лицо, внешняя среда) — «управляемое переполнение». В кыргызской когнитии крайняя радость нередко сопровождается физическим разрушением стенки контейнера: Жүрөгү жарыла жаздоо (сердце готово разорваться). Эмоциональная энергия в необратимой взрывной форме прорывает оковы. Жерге-сууга батпоо (небо и земля не вмещают) — радость уже превратилась в действие, ликование или невыразимое духовное состояние, «вырвалась» из контейнера и вошла в пространство всей вселенной.

Несмотря на то что «контейнер» является общим воплощённым основанием, экологическая среда и социальные нормы как «когнитивные фильтры» по-разному регулируют определение контейнера. Кыргызский язык склонен сопрягать телесные границы с широким природным пространством: выражение Жерге-сууга батпоо (天地难容) отражает когнитии кочевого народа относительно напряжения телесного контейнера в открытой, незащищённой природной среде (степи, горах). Для них телесные границы — не замкнутый «мёртвый цикл», а динамический медиум, способный резонировать с макроэкологией. «喜形于色» в китайской культуре рассматривает мимику (色) как прозрачный «выход» контейнера. Упорядоченное течение от «внутренне скрытого» к «внешне явленному» соответствует требованиям земледельческой ритуально-музыкальной цивилизации к регуляции эмоций: по сравнению с интенсивностью разрыва границ в кыргызском языке, контейнерная метафора в китайском языке в большей мере ограничена социальными нормами и подчёркивает, что эмоции при выражении по-прежнему следуют некоему «пути» и «порядку».

Согласно классическому определению Лакоффа и Джонсона, «счастье — это вверх» (HAPPINESS IS UP) является наиболее репрезентативной универсальной закономерностью в ориентационных метафорах. В обоих языках радость наделена восходящей динамикой, однако сопоставление позволяет выявить, что кыргызский язык тяготеет к «вертикальному растяжению» до крайних высот, тогда как китайский демонстрирует «переплетение горизонтали и вертикали».

При выражении крайней радости кыргызский язык стремится растянуть траекторию восходящего движения до предела физического пространства — неба. Типичный фразеологизм Төбөсү көккө жетүү (макушка касается неба): здесь «небо» (Көк) — не только предел физической высоты, но и сакральная исходная область. Соотнесение «темени» с «небом» воплощает предельное вертикальное растяжение жизненной силы индивида под воздействием радости и отражает благоговение кочевников перед высотой. Тебетейин көккө ыргытуу (бросить шапку в небо): посредством действия-бросания внутренняя радость экстерииризируется в восходящую траекторию. Шапка как важный символ идентичности кочевника — её взлёт в физическом пространстве и есть когнитивное отображение эмоционального возвышения.

По сравнению с чисто вертикальным растяжением в кыргызском языке, ориентационные метафоры китайского языка демонстрируют сочетание «высоты» и «динамических колебаний» с выраженной чертой локализации на лице. Чэньюй 兴高采烈 (xìng gāo cǎi liè, «воодушевлённый и полный энтузиазма») прямо использует «высоту» как исходную область радости. Однако «высота» в китайском языке нередко сопряжена с мощной динамической энергией. Специфические для китайского языка ориентационные метафоры нередко сосредоточены на лице: 喜上眉梢 (xǐ shàng méi shāo, «радость поднялась до кончиков бровей»). Здесь «кончики бровей» задаются как конечная точка эмоционального подъёма. Этот способ когнитии, сжимающий макроскопические ориентационные метафоры до органов лица (бровей, глаз), воплощает традицию тонкого наблюдения за эмоциями у китайского народа.

Согласно динамическому анализу метафор радости в китайском языке Нин Юй [5], крайняя радость нередко концептуализируется как жидкость, испытывающая интенсивные колебания вследствие накопления энергии внутри контейнера. По сравнению с взрывной силой кыргызского «бросания шапки», такие восходящие действия в китайском языке, как 手舞足蹈 (shǒu wǔ zú dǎo, «плясать от радости»), скорее представляют собой ритмичное движение, переплетающее горизонталь и вертикаль.

С позиций когнитивной лингвистики метафора — это не просто языковое украшение, но и способ понимания мира человеком через воплощённый опыт (Embodied Experience). Помимо контейнерных и ориентационных схем, выражение «радости» в кыргызском и китайском языках глубоко определяется экологическим контекстом, когницией анатомии тела и представлениями о жизненной энергии. При описании радости кыргызский язык нередко концептуализирует её как изменение физических свойств тела, особенно переход от «твёрдого/холодного» к «мягкому/тёплому». Фразеологизм Бою жибүү (тело тает/размягчается) исходно означает таяние льда и снега. В условиях экстремальных холодов высокогорных пастбищ «окоченение» символизирует подавленность и стужу, тогда как радость отображается как процесс «оттаивания». Это воплощает регуляцию эмоциональных полярностей экологической средой: радость — это тепло, способное вернуть мягкость скованным давлением членам тела. Бой сергүү (бодрость/пробуждение тела) концептуализирует радость как свежую энергию подобно воздуху после дождя, демонстрируя острое восприятие кочевниками ритмов жизни природы.

Два языка обнаруживают различные предпочтения в выборе частей тела для отображения эмоций. «Лоб», «зрачок» и «печень» в кыргызском языке: Мандайы жарылуу (лоб взрывается) локализует крайнюю радость в ощущении физического расширения лба (Мандай). Чечекейи чеч (зрачок расширяется/увеличивается) фиксирует микроскопическое физиологическое изменение — расширение зрачков или блеск глаз при радости, свидетельствуя об острой когнитивной чувствительности кыргызского языка к сенсорным деталям. Боору катуу (печень твердеет, то есть безудержный смех) раскрывает самобытную когнитивную традицию тюркских народов: печень (Боор) — не просто орган, но и средоточие родственных чувств и глубоких эмоций. Ощущение судорожного сокращения мышц живота при смехе сопоставляется с этим ключевым органом. Китайский язык, напротив, в большей мере обращает внимание на тонкие изменения лица (喜形于色, 眉开眼笑). Особенно типичен чэньюй 心花怒放 (xīn huā nù fàng), концептуализирующий «сердце» как растение, а радость — как «цветение». Это воплощает эстетическое усвоение ритмов растительного роста в земледельческой цивилизации китайского народа.

Таким образом, культура, выступая «когнитивным фильтром», по-разному кодирует общие для людей физиологические реакции. Сходства и различия в метафорах «радости» у кыргызского и китайского народов — не просто различия в языковом выражении, но и глубинное сопоставление образов мышления и пространственной философии, сложившихся в результате длительной практики жизнедеятельности обоих народов. Настоящее исследование посредством кросскультурного сопоставления идиом, выражающих эмоцию «радость» в кыргызском и китайском языках, рассмотрело в рамках когнитивной лингвистики вопрос о том, каким образом воплощённый опыт преобразуется в дифференцированные языковые репрезентации через регуляцию различных культурных моделей. Результаты исследования показывают, что, несмотря на то что оба народа в процессе концептуализации эмоций разделяют образные схемы «контейнера», «ориентации» и другие, основанные на физиологическом субстрате, в конкретной логике картирования и выборе экологических образов обнаруживается значимая гетерогенность. Исследование подтвердило базовую

гипотезу теории концептуальной метафоры (ТКМ) о воплощённости эмоций. Оба языка отображают абстрактную эмоцию «радость» в форме давления жидкости в пространстве, вертикального смещения и изменения состояния живого организма. Эта универсальность восходит к общему физиологическому возбуждению человека — например, ощущению расширения тела при радости и тенденции к направленному вверх движению. Однако, как указывает Ковечеш [4], культура как «когнитивный фильтр» играет ключевую регулирующую роль в процессе картирования. Исследование показывает, что язык — не только носитель мышления, но и живое воплощение экологической среды и социальной структуры. «Напряжённость» кыргызских фразеологизмов и «порядок» китайских чэньюев по существу представляют собой когнитивную симфонию «мировоззрения открытых просторов» кочевой цивилизации и «мировоззрения равновесия» китайской цивилизации. Посредством подобной кросслингвистической когнитивной деконструкции мы способны глубже понять тонкие различия в эмоциональном выражении цивилизаций Центральной и Восточной Азии, а также обеспечить весомую эмпирическую поддержку применимости теории «воплощённого познания» в различных культурных контекстах.

Список литературы:

1. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. University of Chicago Press. 1980.
2. Johnson M. The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. University of Chicago Press. 1987.
3. Kövecses Z. Metaphor and emotion: Language, culture, and body in human feeling. Cambridge University Press. 2000.
4. Kövecses Z. Metaphor in culture: Universality and variation. Cambridge University Press. 2005.
5. Yu N. The contemporary theory of metaphor: A perspective from Chinese. Human Cognitive Processing. V. 1. John Benjamins Publishing Company. 1998.
6. Egemberdiev T. Манасчылык жана тилибиздин байлыгы. Бишкек. 1980.
7. Egemberdiev T. Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү. Бишкек. 2007.
8. Egemberdiev T. Кыргыз тилиндеги фразеологизмдердин семантикасы. Бишкек, 2009.
9. Nazarov K. Кыргыз тилинин стилистикасы. Бишкек. 1998.
10. Osmonova J. Кыргыз тилиндеги туруктуу сөз айкаштары. Бишкек. 1972.
11. Osmonova J. Кыргыз тилинин фразеологиясы. Бишкек. 2007.
12. Shukurov Sh. Кыргыз тилиндеги фразеологиялык айкалыштар жөнүндө // Кыргыз тили жана адабияты. 1956. №1. Б. 45–62.
13. 胡壮麟. 认知隐喻学. 2004.
14. 束定芳. 隐喻学研究. 2000.
15. 赵艳芳. 认知语言学概论. 2001.

References:

1. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). Metaphors we live by. University of Chicago Press.
2. Johnson, M. (1987). The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. University of Chicago Press.
3. Kövecses, Z. (2000). Metaphor and emotion: Language, culture, and body in human feeling. Cambridge University Press.
4. Kövecses, Z. (2005). Metaphor in culture: Universality and variation. Cambridge University Press.

5. Yu, N. (1998). The contemporary theory of metaphor: A perspective from Chinese (Human Cognitive Processing, Vol. 1). *John Benjamins Publishing Company*.
6. Egemberdiev, T. (1980). *Manaschylyk i bogatstvo nashego yazyka*. Bishkek. (in Kyrgyz).
7. Egemberdiev, T. (2007). *Frazeologicheskij slovar' kyrgyzskogo yazyka*. Bishkek. (in Kyrgyz).
8. Egemberdiev, T. (2009). *Semantika frazeologizmov v kyrgyzskom yazyke*. Bishkek. (in Kyrgyz).
9. Nazarov, K. (1998). *Stilistika kyrgyzskogo yazyka*. Bishkek. (in Kyrgyz).
10. Osmonova, J. (1972). *Ustojchivye slovosochetaniya v kyrgyzskom yazyke*. Bishkek. (in Kyrgyz).
11. Osmonova, J. (2007). *Frazeologiya kyrgyzskogo yazyka*. Bishkek. (in Kyrgyz).
12. Shukurov, Sh. (1956). O frazeologicheskikh sochetaniyakh v kyrgyzskom yazyke. *Kyrgyz tili zhana adabiyaty*, 1, 45–62. (in Kyrgyz).
13. Hu, Zhuanglin (2004). *Kognitivnaya metaforologiya*. Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta. (in Chinese).
14. Shu, Dingfang (2000). *Issledovaniya po metaforologii*. Shanhajskoe izdatel'stvo inostrannykh yazykov. (in Chinese).
15. Zhao, Yanfang (2001). *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku*. Shanhajskoe izdatel'stvo inostrannykh yazykov. (in Chinese).

Поступила в редакцию
07.06.2026 г.

Принята к публикации
16.06.2026 г.

Ссылка для цитирования:

Турсун Р. Концептуальные метафоры радости в кыргызских и китайских идиоматических выражениях: межкультурный когнитивный анализ // Бюллетень науки и практики. 2026. Т. 12. №9. С. 764-772. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/130/92>

Cite as (APA):

Tuerxun, R. (2026). Conceptual Metaphors of Joy in Kyrgyz and Chinese Idioms: A Cross-Cultural Cognitive Analysis. *Bulletin of Science and Practice*, 12(9), 764-772. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/130/92>